

УДК 81'22:165.191

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АРТЕФАКТ В СТРУКТУРЕ МИФЕМЫ

Валеева Л. В.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

В статье описана модель артефакт – мифема как конструкт вторичной языковой семиотической системы. Представлена характеристика мифемы как минимальной единицы вербального кодирования мифологической информации и ключевого элемента виртуальной лингвальной онтологии. Обосновано включение семантического артефакта в структуру мифемы.

Ключевые слова: мифема, артефакт, семантическая структура, онтология, виртуальная реальность.

Актуальность исследования. Информационно-коммуникативная направленность современного гуманитарного знания пробуждает интерес к семиотике массмедийного дискурса. Массмедиа становятся плацдармом для испытания и утверждения новых сконструированных форм массовой культуры. Процессы стандартизации и систематизации этих форм регулируются степенью коммуникативной свободы. Наблюдается тенденция к объединению независимых систем в одну универсальную по общности интерпретационных процессов. «Благодаря этому возникает излишек коммуникативных возможностей, который может далее контролироваться лишь внутрисистемно: посредством самоорганизации системы и ее собственных конструкций реальности» [10, с.11].

В эпоху коммуникационных технологий и структурной сложности информационного потока активизируется лингвомифологическая форма мышления, которая помогает «постичь субъект культурного процесса» и «определить имманентную форму, которой следует каждый из нас» [5, с.26]. Мифологическое мышление, чья основная социально-практическая функция заключается в сохранении целостности коллектива, обращается к знакам – абсорбентам. В массмедийном дискурсе развиваются новые активные семиотические формы. Эти знаки выстраивают иррациональное, изменяя predeterminedную вербальным сознанием линейность. Они переводят связи обусловленности в отношения тождества, изменяя восприятие повседневного опыта. Средства и способы трансляции информации модифицируются под воздействием артефактов и симулякров. Вербальные коды мифологического типа структурируют языковое сознание, порождая новые формы представления огромного спектра идей, ценностей, мотивов, характеризующих культурное многообразие новой формации.

Постановка проблемы. В новой коммуникативной действительности формируются активные онтологические ряды, до настоящего времени системно не описанные и не получившие научно и методологически обоснованного статуса. В современной науке проблема теории онтологии как типа мировоззрения, как характе-

ристики бытия или типа семиотически представленной действительности порождает проблему выявления и описания лингвальных реальностей.

Новое видение информационного массива как производного множества реальностей обусловило развитие полионтологической лингвальной теории, утверждающей иерархическую структуру языкового знака, на первом уровне связанного с системой денотатов, на следующих уровнях находящегося в отношениях порожденности. Именно осознание природы и алгоритмов порожденности позволяет описывать «параллельные» миры (реальности, сферы) как формализованное знание. Лингвальные реальности представлены собственной системой языковых знаков.

Система лингвальных реальностей тесно связана с полионтологической картиной мира (С. Х. Асадуллина, Н. Г. Багдасарьян, Ж. Бодрийар, О. С. Борисов, В. А. Гермашова, Ж. Делез, О. И. Елхова, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, М. М. Кузнецов, О. В. Лутовинова, Ю. И. Сватко, В. Л. Силаева, Б. А. Успенский, М. В. Ягодкина и др.). Предпринимаются попытки обосновать критерии систематизации реальностей и выделить ключевой элемент. Таким образом, успешный анализ лингвальной полионтологии возможен в случае, во-первых, выяснения иерархии порожденных онтологий, во-вторых, описания ключевой единицы лингвальной реальности; в-третьих, изучения механизма порождения между ключевыми единицами первичного и вторичного вербально представленного онтологического семиозиса.

Цель исследования – рассмотреть особенности семантической структуры мифемы как ключевой единицы вторичной лингвальной реальности. Для этого необходимо дать характеристику вторичной лингвальной реальности в сопоставлении с первичной семиотической системой языка; представить ключевую единицу вторичной лингвальной реальности; описать особенности структуры рассматриваемой языковой единицы в соответствии со своеобразием современного информационного пространства.

Множественные теории языкового знака и языковой системы формулируются исходя из примата физического мира. Заслуга выдающихся ученых 19-20 веков Ч. Пирса и Ч. Морриса, Г. Фреге, Ф. де Соссюра, Ю. Лотмана и других в том, что языковой знак рассматривался не как словесный сигнал на физиологическую реакцию, а как психическое явление. Ч. Пирс представил классификацию знаков, в которых представлены индексы в качестве естественных знаков, иконы, демонстрирующие образные системы, и символы, отражающие рефлексирующую связь означаемого и означающего [14]. Готтлоб Фреге выделил в семантике значение и смысл, таким образом обозначив интерпретационную составляющую содержания знака [22]. Ф. де Соссюр, утверждая, что словесный образ столь же психичен, как и ассоциируемое с ним понятие, рассматривал зависимость значимости знака от его положения в каждый данный момент, от конвенциональных договоренностей, от прототипических особенностей (соответствие диахроническому факту со всеми его особенностями). В то же время исследователь отрицал факт намеренного воздействия на систему языковых отношений и делал заключение, что «фигуры» языка изменяются стихийно и случайно [19].

Утилитарность категорий массовой культуры обусловила распространение символических и симулятивных знаков, представляющих новые задачи общения и

рационально прагматическую политику каналов массовой коммуникации. Осознание многоступенчатости восприятия бытия позволило исследователям рассматривать критерии и стандарты новых реальностей. Вырабатывается набор языковых знаков как маркеров новой реальности. Будучи производными формами, знаки обладают способностями к семантической деформации внутреннего образа и к адаптации прототипических элементов первичного семиозиса.

Познание реалий вербальной действительности носит как общенаучный, так и собственно лингвистический характер. Ю. М. Лотман отмечает, что слово «реальность» покрывает два различных явления. С одной стороны, это реальность феноменальная, то есть та реальность, которая соотносится с культурой, то противостоя ей, то сливаясь с нею. С другой стороны, реальность в ноуменальном смысле, то есть пространство, фатально запредельное культуре. Ученый считает, что пласт «реальности» — той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесенности, расположен под пластом семиотического пространства в виде многослойного пересечения различных текстов и со сложными внутренними соотношениями [11]. В. И. Теркулов утверждает в семантической структуре языка существование двух миров: онтологического, референтного, то есть мира внеязыковых сущностей и событий, протоколируемых в языке, и лингвального, то есть мира, созданного языком [21]. А. Ф. Косарев рассматривает физическую (эмпирическую) реальность, которую характеризует временем, растянутым в цепочку последовательных и причинно связанных между собою событий; метафизическую (внеэмпирическую) реальность, в которой время уплотнено и спрессовано семантическими структурами и события соединены между собою не причинными, а структурными связями. Трансцендентная (надэмпирическая) реальность постоянно вибрирует, высвечивая и проявляя события и смыслы, связанные универсальными и абсолютными смыслами, что позволяет нейтрализовать и координировать избыточное количество формализованных и логических смыслов и связей [7].

В области онтологической спецификации утверждается понятие константной реальности, в основе которой невозможность абсолютного покоя для мира вещей и необходимость идентифицировать перцептивные и интеллектуальные представления о себе и о природном и общественном мире. Систематизация научных представлений об этой категории в различных сферах гуманитарного знания позволило нам суммировать ее доминирующие характеристики (А. Д. Александрова, С. Х. Асадуллина, С. А. Борчиков, В. А. Гермашова, А. А. Калмыков, Т. В. Носова, М. В. Ягодкина и др.). Во-первых, она является первичной семиотической системой по отношению к миру вещей; во-вторых, является порождающей другую, низлежащую реальность; в-третьих, представляется результатом языкового воплощения; в-четвертых, значения ее элементов независимы или внесобытийны, контекстно свободны; в-пятых, доступна всем членам общества; в-шестых, ее элемент является атомарным элементом, а все элементы последующих реальностей рассматриваются с точки зрения сходства с ним,

Константная реальность субстанциональна. Как отмечает М. С. Кунафин, значения, конструируя понятия, опосредуют предельное основание, не выходя при этом в неязыковую реальность. Первозык (который определяется в нашем исследо-

вании константной реальностью) конструирует мир естественных предметов. При выявлении основания понятий учитывается наличие в неязыковой реальности процесса изменений [8]. Изменения различаются по связи со знаковыми системами. Первый тип изменений учитывает законы природы, в соответствии с которыми физические свойства времени обеспечивают гармонию состояния и свойств любой сущности. Это означает, что время несет информацию о событиях, которая может быть передана другой системе [6]. Второй тип изменений связан с идеализацией, абстракцией, обобщением, сравнением, определением, доопределением, когда языковой знак однозначно относится не к миру вещей, а к миру искусственно созданных обозначений. Таким образом, в языке сосуществуют два направления изменений. Первое направление определяется термином «эволюция», вследствие этого в языке существуют многообразные формы, фиксирующие время. Второе направление демонстрирует способность любой системы терять свою первоначальную организованность, разрушаться и переходить в более вероятное состояние. Эти изменения зависят от степени и характера активного воздействия. Н. А. Козырев устанавливает, что в этом случае происходит изменения плотности времени. Некоторые процессы увеличивают его плотность и, следовательно, излучают время. При этом у находящихся рядом сущностей (предметов, явлений, процессов) упорядочивается структура, уменьшается энтропия и регистрируется новое направление в развитии, противодействующее обычному, поступательному ходу событий [6].

Порожденная измененная реальность получила название виртуальной. В современном знании утверждается категориальная оппозиция константная / виртуальная реальности. «Виртуальные объекты существуют только актуально, только ‘здесь и теперь’, пока в порождающей реальности происходит генерирующие их процессы; с окончанием процесса порождения соответствующие виртуальные объекты исчезают» [13, с. 403]. В перечень признаков виртуальной реальности включены порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, погруженность (С. А. Борчиков, В. А. Гермашова, В. П. Гиренко, Д. Дойч, О. И. Елхова, А. А. Калмыков, О. В. Лутовинова, Н. В. Носов, Я. Чеснов). М. В. Ягодкина демонстрирует посреднический характер вербальной реальности при характеристике реального и ирреального миров, представленных как константная и виртуальная реальности. Виртуальная реальность имитирует константную реальность, моделируя действительность с помощью вербальных и невербальных средств [24].

Вторичный семиозис языка мы будем называть виртуальным. Природа производности языкового знака достаточно сложная, так как не отрицает процедур наблюдения и ощущения, но в симбиозе с процессами воображения и рефлексии формирует виртуальную номинацию в пределах существующей формы. Производящий и производный знаки онтологически равноправны и автономны. Их различает гносеологическое основание, которое для константной реальности ориентировано на предметно обоснованные объектно-субъектные отношения, а для виртуальной реальности на все субъектно ориентированные отношения, в том числе апперцептивно и контекстно стимулированные корреляции субъект-объект и субъект-субъект. Многовариантность способов организации внутреннего мира субъекта, выходящей

за рамки рецепторно субъектно-объектной онтологии, позволяет говорить о множественности виртуальных реальностей.

Мифологическое мышление не оперирует рациональными формами константной реальности. Оно не просто удовлетворяет любопытство первобытного человека и отражает избыток воображения, мифология как система своеобразно регламентирует поддержание устойчивого социального порядка, утверждает природное и социальное единство, психологическую монолитность коллектива [16]. Мифологическое сознание преобразует расчлененное объективированное знание, верифицированное в языке, в бессознательно-оценочное, эмоционально-интеллектуальное знание языковых форм виртуального мира. В философии преобразованное восприятие бытия получило название «фюзис» (данный в чувственном познании) и «метафюзис» (доступный умозрению) [23]. В первом случае категоризация чувственно представленных, динамичных, изменчивых образов, находящихся за чертой конкретных реалий действительности, согласуется с «телом бытия». В языке формируется группа языковых единиц, образующих систему вымышленных сущностей с атрибутивной характеристикой реального объекта. Например, *феникс* – символ возрождения, обновления, бессмертия и вечности времени. В мифологии разных народов фантастическая птица выглядит по-разному: у египтян похожа на серую цаплю, у греков – на орла и т.п. [3]. По мнению ученых, специализирующихся в области ономастики, эта группа языковых знаков объединяет имена вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках [15]. Во втором случае продуцируется вторичная символизация вследствие коррекции политической, исторической и культурной информации. Социально-практическая направленность мифологизации демонстрируется посредничеством языковых знаков, порожденных в уже созданных лингвальных реальностях. Например, лексическое значение слова *телевидение* фиксирует техническую характеристику продукта развития науки современной эпохи: 1. передача на расстояние изображений подвижных объектов и звукового сопровождения при помощи электрических сигналов, передаваемых по радио или по проводам; 2. область науки и техники, связанная с передачей изображений подвижных объектов на расстояние [18, с. 347] – *распространение программ цифрового телевидения; услуги портативного телевидения* и т. п. В то же время средства массовой коммуникации демонстрируют множественные интерпретации новых значений языковой единицы, связанные с социальной ролью телевидения в жизни общества и отдельного человека, как-то: *наше телевидение – страна абсурда* (ЗН, 1997, №38); *Львов становится развлекательным «телевидением», фоном к пиву* (ЗН, 2011, № 24), *НТВ продемонстрировало внутреннюю ложь самого телевидения* (ЗН, 2001, № 14). Социальная практика порождает новые информационные образы и управляет ими. Социальные науки, в том числе социальная коммуникация, фиксируют измененные состояния узуальных вербальных объектов константной реальности. *Телевидение* превращается в средство, вызывающее приятное состояние эйфории, но истощающее критические способности [2, с. 320-321]. В виртуальной лингвальной зоне языковой знак *телевидение* тиражирует характеристики, формирующие важный социокультурный фактор современной информационно-коммуникативной формации, организующий влияние на социальные и личностные

ценности, воздействие на досуг, на способности изменять восприятие пространства и времени, влияние на степень потребления и выбор объектов потребления: *Телевидение – это структура, которая не только поглощает деньги, но и генерирует их благодаря существованию рекламного пространства, и его успех у населения как раз и связан с тем, что оно демонстрирует фильмы* (ЗН, 1996, №29), *телевидение – это ухудшенный вариант кино* (ЗН, 1997, №26), *белорусское государственное телевидение обвинило Кремль* (ЗН, 2011, №24);

Базовой языковой единицей, демонстрирующей мифологическое мировосприятие и выстраивающей область виртуальной лингвальной реальности, мы определяем мифему. Термин мифема объединяет все виды минимального вербального кодирования мифологической информации. Мифема представляет проявленность языкового знака с целью верификации конкретного смоделированного сущего. Как показал анализ работ в области семиотики и мифа (Р. Барт, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Г. Г. Почепцов, Н. В. Слухай, М. И. Стеблин-Каменский и др.), главной характеристикой языкового знака мифа является посредничество между познанной реальностью и непознанным, но зафиксированным как факт культурно значимого исторического прошлого. Семантика мифемы формируется и проявляется в ситуации абсолютного доверия участников коммуникативного действия к редуцированной, сконструированной и непроверенной или недостоверной информации. Мифема организует суггестивно-символическую манеру общения, погружая человека в псевдореперентные с позиции вещественного мира вербальные системы, в миры артефактов. В этих реальностях языковая единица обладает безграничными конвенциональными способностями, так как категории времени, пространства, каузации являются результатом интеллектуального творчества и измененного состояния сознания.

Таким образом, мифема представляет две подсистемы языковых знаков виртуального пространства. Одна подсистема объединяет эксклюзивные языковые номинации мифологизированного бытия, демонстрирующие смоделированные по законам материального мира сущности и события (*Антей, Асмодей, Беовульф, Буга, Кассандра, бесы, сукукубы, нимфы* и т. д.). Другая подсистема связана со способностью группы языковых знаков формировать все виды знаний, в том числе знаний по мнению и доверию. Мифемы второго типа онтологически мобильны, так как лишены наглядности (предметности). По своей семиологической природе они привязаны к прагматическим способностям порождающего имени, а именно к сочетаемым свойствам и к ассоциативному потенциалу. Порождающими элементами, способными к вторичным ассоциациям, являются трансцендентные понятия *добро, совесть, красота, ложь* и под., общественно-политическая лексика *политика, манифест, партия, оппозиция* и под., культурно-исторические номинации *этикет, комедия, мода, Клеопатра, Наполеон, Остап Бендер* и под.

Психологическое обоснование семиотической природы мифемы выявляет определяющие элементы в структуре рассматриваемой языковой единицы. Семантика мифемы не согласуется с детерминированностью денотатов, означающей, что в основе лексического значения языкового знака находятся сведения о денотативном и сигнификативном уровнях. Денотатом знака называется класс обозначаемых им фактов, а сигнификатом – общие признаки всех фактов этого класса [1]. Отсутствие денотата

у признаков слов и вещных слов, употребленных вне репрезентации, восполняется терминологической игрой в безденотатные слова, в реальные и мнимые денотаты. Последние, в свою очередь, делятся на осознаваемые людьми (например, персонажи сказок, басен и другие элементы художественные литературы) и на неясные, неосознаваемые (например, в суевериях, предрассудках, религиозных и других верованиях) [12]. Полионтологическая лингвальная теория расширяет конфигурации семантической структуры языковых единиц, и включение денотата в организацию структуры слова является верным, но необязательным. Деятельностно-социальный характер значения языкового репрезентанта мифа, его зависимость от условий реализации требуют введения в лингвистический метаязык нового элемента.

Преобразование информации, породившее третий мир – виртуальный, осуществляется с помощью артефактов, которые должны изучаться не как вещи, а как медиаторы, отражающие и формирующие социальную практику. Информационно-коммуникативная действительность представляет современный мир одновременно как мир человека, как мир природы и мир артефактов [20].

Артефактом называют все, имеющее не материальную, а социальную природу. Артефакт выделяют как элементарную единицу искусственного мира, как антипод всего природного, это и конкретный материальный продукт, поведенческий акт, социальная структура, информационное сообщение или оценочное суждение. Артефакт выступает как неделимая единица культуры. Он позволяет увидеть взаимозависимость и гармонию различных объектов культуры, проследить их порождение, существование и разрушение, их объединение в определенные функциональные и символические паттерны и формы, целостные культурные контексты, семантические поля [9]. Своеобразие артефакта заключается в том, что он находится в полной зависимости от условий и обстоятельств создания порожденной формы. Артефакт не может быть идентичным исходной форме, поэтому его характеристика дается по интерпретативной оценке порожденной формы. Критерий порожденности предполагает сохранение прототипических особенностей (Ф. де Соссюр) или проявления «генетических путей» (Л. С. Выготский). Л. С. Выготский называет три способа верификации порожденности. Первый связан с синкретическими способами, в основе которых эмоциональные субъективные связи между впечатлениями. Второй способ включает ассоциативный комплекс и связанные с ним процессы возвращающегося и навязчивого сходства. Третий способ основан на принципах соучастия и функционального обобщения [4]. Артефакт нельзя отождествлять с симулякром, так как симулякр является имитацией реальности, копией, не имеющей оригинала и, следовательно, не обладающей прототипическими особенностями порождающего знака.

Сопоставление денотативных способностей языковых единиц и артефактных характеристик мифемы демонстрирует параллелизм базовых признаков денотата и артефакта. В современной семасиологии наблюдается последовательное разграничение значения языкового знака и денотата и рассмотрение семантики языковой единицы как информации о денотате. О. Н. Селиверстова указывает, что необходимо различать собственно денотативную ситуацию и сведения о денотате, содержащиеся в языковом знаке [17]. Онтологическое соположение денотата и артефакта проявляется при описании константной и виртуальной лингвальных реальностей.

Денотативный компонент является носителем информации об объектах и явлениях рационально объективированного мира, артефактный компонент представляет социально виртуализированный мир. Представленный дуализм позволяет сделать вывод, что денотат и артефакт являются коррелятивной парой и выступают как базовые элементы семантики ключевых знаков константной и виртуальной лингвальных реальностей.

Таким образом, артефакт и мифема формируют семиотическую модель означаемое – означающее и одновременно артефакт является ядерной семой структуры мифемы как ключевой единицы виртуальной лингвальной реальности.

Мифема *телевидение* ориентирована на систему артефактов, стратификация которых требует совместных усилий специалистов в области социологических и гуманитарных наук. Телевидение представляет не только эффективное средство производства, распространения и потребления информационной продукции, но и важнейший способ единения и формирования общественного самосознания. Семный компонент «окно в мир» в структуре мифемы *телевидение* в примерах массмедийного текста *Телевидение существует везде – и в маленьком городе, и в большой столице, и везде существуют таланты, которые имеют право быть* (ЗН, 1997, №42); *Ведь даже Рождество, испокон веков несущее и передающее из поколения в поколение романтику и красоту народных традиций, за редким исключением, совершенно не делающими погоду на экране, не сумело проявиться на национальном телевидении ни своеобразием лица, ни самобытностью почерка, ни оригинальностью манер — ничем по-своему и своим* (ЗН, 2000, №1) несет информацию не о численном составе телеаудитории, а о возможностях создания калейдоскопического образа мира.

Вывод. Семантический артефакт представляет трансформацию деталей и фрагментов информационных образов в порожденном социальной практикой мире. Порожденная природа артефакта, заключающаяся в обязательном наличии в его характеристике прототипического элемента, размывает границу между воображаемым и действительным. Артефакт является обязательным элементом виртуальной лингвальной реальности. Виртуальная реальность является вторичной семиотической вербальной системой, характеризующейся набором языковых знаков как маркеров новой реальности. Ключевой языковой единицей, демонстрирующей мифологическое мировосприятие и выстраивающей область виртуальной лингвальной реальности, является мифема. Модель денотат и информация о денотате в структуре языковой единицы константного вербального семиозиса порождает модель артефакт и информация об артефакте в структуре мифемы как единице вторичной языковой семиотической системы.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды : Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins) / Дэвид Джери, Джулия Джери ; [пер. с англ.]. – Т. 2 (П-Я). – М. : Вече, АСТ, 1999. – 528 с.
3. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.

4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования // Л. С. Выготский ; [под ред. и со вступ. статьей В. Колбановского]. – М. – Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 326 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. – Т.2. Мифологическое мышление. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 280 с.
6. Козырев Н. А. Время как физическое явление / Н. А. Козырев // Моделирование и прогнозирование в биоэкологии. – Рига : Латвийский госуниверситет им. П. Стучки, 1982. – Режим доступа : http://www.vixri.ru/d/a_cosmo/Kozyrev%20A.N._Trudy.pdf
7. Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость : учебное пособие для вузов / А. Ф. Косарев. — М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 304 с.
8. Кунафин М. С. Введение в онтологию языка / М. С. Кунафин. - Режим доступа : http://www.i-u.ru/biblio/archive/kunafin_vvedenie/
9. Культурология : XX век. Энциклопедия / [гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит]. – СПб.: Унив. кн., 1998. – Т. 1 : А – Л / Отв. ред. Л. Т. Мильская. – 447 с. – Режим доступа : <http://arts.adygnet.ru/bibl/kulturolog/untitled-1.htm>
10. Луман Н. Реальность массмедиа [пер. с нем. А. Ю. Антоногвского] // Николас Луман. – М. : «Канан+», РООИ «Реабилитация», 2012. – 240 с.
11. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство–СПб», 2000. – С. 240–249.
12. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения : учебное пособие / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
13. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; [Научно-ред. совет : предс В. С. Степин; заместители предс. : А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов]. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – 2010. – 744 с.
14. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения [пер. с англ. ; К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева] / Ч. С. Пирс. – М. : Логос, 2000. – 448 с.
15. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
16. Ростошинский Е. Н. Структура мифологического мировоззрения / Е. Н. Ростошинский // Смыслы мифа : мифология в истории и культуре ; сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. – Вып. 8. – СПб. : Изд-во Санкт-петербургское философское общество, 2001. – Режим доступа : http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html
17. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
18. Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [под ред. А. П. Евгеньевой] ; 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т. 4. С – Я. – 1988. – 800 с.
19. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр : [редакция Ш. Балли и А. Сеше] ; [пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания] ; [пер. с франц. С. Чистяковой] ; [под общ ред. М. Рут]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 432 с.
20. Теоретическая культурология. – М. : Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. — 624 с.
21. Теркулов В. И. Номинатама: опыт определения и описания / В. И. Теркулов ; научн. редактор М. В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с.
22. Фреге Г. Логика и логическая семантика [сборник трудов] / Г. Фреге ; пер. с нем. В. В. Бирюкова ; под ред. З. А. Кузичевой : учебное пособие для студентов вузов. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
23. Хазиев В. С. Мировоззрение как субъективная реальность [монография] / В. С. Хазиев, Е. В. Хазиева. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2004. – 296 с.
24. Ягодкина М. В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности: автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. филологических наук : спец. 10.02.01 – «русский язык» // М. В. Ягодкина. – Санкт-Петербург, 2009. – 31 с.

Валєєва Л. В. Семантичний артефакт в структурі міфеми / Л. В. Валєєва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 393–402.

У статті описана модель артефакт – міфема як конструкт вторинної мовної семіотичної системи. Представлена характеристика міфами як мінімальної одиниці вербального кодування міфологічної інформації та ключового елемента віртуальної лінгвальної онтології. Обґрунтовано включення семантичного артефакту в структуру міфами.

Ключові слова: міфема, артефакт, семантична структура, онтологія, віртуальна реальність.

Valeeva L. Semantic artifact is in structure of mytheme / L. Valeeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 393–402.

In the article a model is described artifact – mytheme as a construct of the secondary language semiotic system. Description of mytheme is presented as minimum unit of the verbal mythological information and key element of the virtual lingual ontology. Grounding the inclusion of semantic artifact is in the structure of mytheme.

Keywords: mytheme, artifact, semantic structure, ontology, virtual reality.

Поступила в редакцію 16.10.2012